

Амурные увлечения

Вождей

A portrait of a middle-aged man with short, wavy hair, smiling slightly. He is wearing a dark blue pinstriped suit jacket, a white shirt, and a red and blue striped tie. The background behind him is dark and out of focus.

Истории
роковой
ЛЮБВИ

Василий Владимирович Веденеев

Амурные увлечения вождей

Серия «Истории роковой любви»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654794

Амурные увлечения вождей: Вече; М.; 2010

ISBN 978-5-9533-4625-2, 978-5-4444-7867-7

Аннотация

Тайные любовные страсти вождей становятся известными, как правило, только спустя десятилетия после их кончины. Когда наконец приоткрываются некогда тщательно закрытые хранилища спецслужб и решаются заговорить бывшие помощники, адъютанты и обслуживающий персонал. Так, премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли в частной жизни был до ужаса расчетливым и суеверным, а Лев Троцкий «не пропускал ни одной приличной юбки»; «великий кормчий» Мао Цзэдун любил весь женский состав специально подобранного ансамбля песни и пляски, а «несгибаемый революционер» Че Гевара не просто обожал красивых женщин, но и совершал ради них безумства...

Содержание

Президент-плейбой	5
Годы молодые	7
Визит в СССР	11
На закате	15
Любовь и смерть Франклина Делано Рузвельта	17
Баловень судьбы	18
Страшное прозрение	23
Тернистый путь любви «Красного маршала»	29
«Мы – красные кавалеристы...»	31
Тенор, поляк или... японец?	35
А вот и первенец!	40
Счастье Дизраэли	42
Пророчество	43
Исполнение пророчества	48
Любовницы Адольфа Гитлера	53
«Веселая Вена», Баварские Альпы и другое	54
Гели	58
Ева	63
«Пламенный трибун»	67
Амурные приключения в стране Советов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Василий Владимирович
Веденеев**

Амурные увлечения вождей

© Веденеев В.В., наследники, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Президент-плейбой

Западная пресса и другие средства массовой информации для расширения своей аудитории очень любят приклеивать разным странам и государственным деятелям броские прозвища и навешивать ярлыки. В свое время они окрестили президента Республики Индонезия Ахмеда Сукарно «президентом-плейбоем Юго-Восточной Азии».

Старая пословица гласит: нет дыма без огня! У Ахмеда Сукарно действительно было семь или восемь жен, и никто точно не сможет назвать истинное число любовниц, с каждой из которых у него развивался роман. Европейцам трудно понять это, но индонезийцы чуть ли не обожествляли своего президента-плейбоя, фактически присвоившего себе функции диктатора в стране. Дело в том, что, по древним легендам, преданиям, мифам и верованиям Юго-Восточной Азии, только богам и настоящим героям дается в награду небом необычайная сексуальная мощь и сила.

Этот образ старательно поддерживала официальная пропаганда президента, открыто сравнивая его с героем национального эпоса Арджуной, который, если верить преданиям, имел более тысячи любовниц. Как знать, вполне вероятно, Ахмед Сукарно, неутомимый в делах любви, сумел даже значительно обойти мифического юго-восточного героя-любовника, но, возможно, и нет? Об этом история скромно умал-

чивает, а многие документы, проливающие свет на этот вопрос, надежно спрятаны в архивах спецслужб разных стран – часто секс и политика идут рука об руку, и Сукарно не являлся в этом отношении счастливым исключением...

Годы молодые

Политической деятельностью Сукарно начал заниматься еще в ранней молодости, активно включившись в борьбу против господства голландских колониальных властей. Насколько известно, уже тогда он отличался неудержимой тягой к любовным интрижкам и приключениям. По отзывам соратников, он дня не мог прожить без ласк женщины. Вполне естественно, этим активно пользовались спецслужбы правительства, ловко подставляя тогда неопытному в конспирации молодому Ахмеду своих соблазнительных секс-агентов.

Несмотря на постоянные многочисленные любовные похождения, Ахмед, тогда еще малоизвестный мелкий политический лидер, делавший первые шаги к высшей власти в стране, все-таки решил жениться. Однако имя его первой жены осталось в полном забвении, как имена первых жен многих других азиатских лидеров и диктаторов разных времен. Возможно, это произошло по желанию самого Сукарно: когда азиатские политические лидеры женились в первый раз, это обычно происходило по воле родителей и в довольно молодом возрасте. Затем, получив власть, они старательно стирали эту страницу своей биографии, как бы стыдясь ее. Но возможно, и по каким-то иным причинам? По крайней мере, так поступили не только Ахмед Сукарно, но и «великий кормчий» Мао, а также ряд других политических лиде-

ров Юго-Восточной и Центральной Азии.

Известно, что второй женой любвеобильного Сукарно стала красавица Ингитт, с которой он сохранял супружеские отношения на протяжении долгих лет, хотя они иногда серьезно омрачались скандалами, причиной которых неизменно служила необычайная любвеобильность Ахмеда.

– Он готов бежать без оглядки за первой же бабской юбкой – так характеризовали будущего президента-плейбоя и диктатора аналитики из западных спецслужб. – Особенно если эта юбка надета на какую-нибудь стройную и смазливую бабенку.

Вполне естественно, на Сукарно регулярно поступала информация в спецслужбы колониального режима, против которого он выступал как политический противник. В конце концов удивительно любвеобильный и чересчур активный Ахмед изрядно надоел властям, и его сослали подальше от столицы, в глушь, в деревню, на юг острова Суматра, где заниматься политической деятельностью не было ни малейшей возможности.

Единственное послабление, которое получил от властей Сукарно, – право преподавать в местной средней школе. Ахмед ухватился за это разрешение властей обеими руками. Сукарно тогда исполнилось тридцать семь лет, он уже был дважды женат, имел неисчислимое количество разнообразных любовных приключений и интрижек, но его любвеобильная натура настоятельно требовала чего-то нового, еще

не изведенного. И ссыльный политик-учитель обратил свое благосклонное внимание на... ученицу школы Фатмавати.

– Я влюбился в нее просто без памяти! – впоследствии утверждал Сукарно.

Девушка, еще совсем юная, годилась ему в дочери, но... Амуру не прикажешь, и он вольно рассылает свои стрелы. Возможно, утверждения Ахмеда о любви страстной и безумной, возникшей чуть ли не с первого взгляда, оказались чистой правдой: он женился на Фатмавати, которая преклонялась перед ним. За последующие десять лет совместной жизни она родила президенту пятерых сыновей.

Шли годы, политическая обстановка менялась. Сукарно стал признанным лидером и занял пост президента Индонезии. И тут взбунтовалась его вторая жена – Ингитт: она ушла от мужа, не получив развода. Что же произошло?

Дело в том, что Ахмед Сукарно никогда не считал супружескую верность и постоянство обязательными добродетелями. Особенно когда он оказался на самой вершине государственной власти. К тому же он считался весьма красивым и привлекательным мужчиной, поэтому женщин интересовали не только его государственные посты и должности – Ахмед интересовал их и как привлекательный, неутомимый и ласковый, щедрый и внимательный любовник.

Президент завел себе специальный «парад красавиц», в число которых отобрали самых прекрасных девушек – их обязанностью являлось повсюду сопровождать Сукарно и

предварять его появление на публике своей ослепительной красотой. Одну из этих красавиц, входящих в его необычный эскорт, Сукарно решил сделать своей четвертой женой. Имя красавицы – Хартини Сувондо, и вопреки всем преградам она стала четвертой официальной женой диктатора!

Тут же подняла семейный бунт всегда остававшаяся покорной и послушной воле мужа его бывшая ученица Фатмавати. Она тоже ушла от Ахмеда. Скандал получился весьма крупный, и следовало его побыстрее потушить, тем более что многочисленные женские организации Индонезии выступили с резким осуждением поведения главы государства.

Выход нашли самый неожиданный, при котором, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы: красавицу Хартини Сувондо президент распорядился поселить в Боготе в бывшей резиденции голландского генерал-губернатора, окруженной роскошным ботаническим садом. Вместе с ней поселился ее муж – гражданин Сукарно. Не президент, а частное лицо, заключившее брак! Госпожа Фатмавати по-прежнему формально оставалась первой леди Индонезии. Все были довольны, и больше всех – сгоравший от вожделения Сукарно, которому Хартини в самом скором времени подарила одного за другим двоих сыновей.

Визит в СССР

В 1960–1961 г., когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был Никита Сергеевич Хрущев, из-за многих политических и военных разногласий и непродуманной волюнтаристической политики Хрущева начал разгораться серьезный конфликт с «китайскими братьями». В то время компартией Китая уже на протяжении многих лет бессменно руководил Мао Цзэдун – он занял практически непримиримую позицию, что вызывало серьезную озабоченность в Кремле.

Обстановка в Азии, в том числе в ее юго-восточной части, могла весьма серьезно обостриться, поэтому ЦК КПСС решил в самом срочном порядке подыскать другого надежного союзника и военного партнера, которым можно было бы успешно заменить Мао Цзэдуна. Аналитики советской разведки и политические умы ЦК решили рекомендовать Политбюро сделать ставку на президента многомиллионной Индонезии – одной из крупнейших и развитых стран Юго-Восточной Азии. Тем более что между Индонезией и Советским Союзом поддерживались давние дружественные отношения.

Сукарно пригласили посетить нашу страну с официальным визитом, и приглашение было с благодарностью принято – в 1961 г. Ахмед Сукарно торжественно прибыл в СССР. Принимая президента-плейбоя и фактического дик-

татора Индонезии, советские руководители того периода на скупились на щедрые посулы и обещания, дорогие подарки и высокие награды: позарез требовался серьезный противовес имевшему отмобилизованную многомиллионную армию Мао.

Некоторые историки считают это чистой случайностью, но большинство политологов и аналитиков из разведслужб придерживаются мнения, что далеко не случайно визит главы Индонезии совпал с шестидесятилетием высокого гостя. В его честь Никита Хрущев распорядился устроить пышные торжества, на которых юбиляр присутствовал в парадном военном мундире. Казалось, готовившие празднество предусмотрели абсолютно все, чтобы угодить высокому гостю и всячески расположить его к Стране Советов. Сукарно получил огромное количество подарков, которые он принимал весьма благосклонно, а в дар от членов советского правительства, многие из которых далеко не блистали умом и высокой культурой, гостю преподнесли внушительных размеров бронзовую скульптуру «Девушка с веслом» работы известного советского скульптора Манизера. Ахмед выразил восхищение формами скульптуры и стал дальше наблюдать за ходом торжеств.

– В такой знаменательный день наш вождь рассчитывал получить от гостеприимных хозяев в подарок живую девушку, – немного наклонившись в сторону сидевшего рядом с ним Анастаса Микояна, едва слышно шепнул посол Индо-

незии в СССР Адам Малик.

Естественно, разговор шел через переводчика. И то ли по указке посла, то ли уже от себя, переводчик с чисто восточным ехидством добавил:

– Можно даже без весла.

Лицо одного из бывших знаменитых бакинских комиссаров Анастаса Микояна, про которого потом ходила шутка, что только он один сумел прожить от «Ильича до Ильича без единого паралича», осталось совершенно невозмутимым, словно он ничего не слышал. Можно даже сказать, оно застыло, как у каменного сфинкса.

– Прошу отведать национальных русских рыбных блюд, – радушно предложил Микоян после некоторой паузы. – И выпьем за здоровье и долголетие нашего дорогого гостя!

Многие эксперты полагают: культивируемое рядом историков мнение о том, что советскому руководству ничего не было известно о сексуальных пристрастиях и половой неудержимости Сукарно, совершенно неверно. В любом случае, перед высоким визитом высшему руководству страны готовили очень подробную справку, в которую вносили свои данные и представители разведки. Обязательно запрашивали официальную резидентуру в Индонезии. Она просто не могла ничего не сообщить о пристрастиях и увлечениях главы государства, собирающегося посетить Советский Союз с дружественным визитом. Но моральный кодекс строителя коммунизма не допускал никаких сексуально-половых воль-

ностей: все должно выглядеть совершенно пристойно.

После пышных торжеств по случаю дня рождения президент Сукарно отбыл из Москвы на отдых в Крым, куда его заботливо сопровождал все тот же Микоян. Гостя разместили в правительственной резиденции для самых высоких гостей, а когда пришло время возвращаться домой, в аэропорту Симферополя президента Индонезии провожал снова Анастас Иванович Микоян. Сверкая золотым шитьем на роскошном мундире, Ахмед тепло попрощался со всеми и, легко взбежав по трапу самолета, неожиданно остановился и, прижав обе ладони к губам, послал провожающим воздушные поцелуи, громко воскликнув:

– Гудбай, май дарлинг!

Официальные лица остались в полном недоумении, и только красивая длинноногая блондинка, стоявшая чуть в стороне от Анастаса Микояна, все прекрасно поняла. Эксперты полагают, что советская сторона на время отдыха президента Индонезии подвела к нему исключительно высокого класса секс-агента госбезопасности, которая отлично справилась со своей ролью во всех отношениях, сумев полностью расположить немало повидавшего на своем веку президента-плейбоя к стране победившего социализма.

В дальнейшем отношения между СССР и Индонезией неизменно оставались дружественными. Вероятно, в этом есть немалая заслуга носившего юбку солдата невидимого фронта...

На закате

Ахмед Сукарно заметно старел, но привычек не менял – о его пятой жене практически ничего не известно. Скорее всего это было недолгое, но яркое увлечение потихоньку сдававшего одну позицию за другой завзятого плейбоя, которое не оставило заметного следа. Шестой женой перешагнувшего шестидесятилетний рубеж президента-диктатора стала светлокожая студентка Юрике Сангер, которая также входила в пресловутый «парад красавиц». Говорили, что Сангер родом с острова Сулавеси, но консультировавшие экспертов спецслужб этнографы выражали в этом очень серьезные сомнения.

– Скорее всего, это европейка, которую пытаются старательно замаскировать под уроженку Юго-Восточной Азии, – высказал предположение один из них.

Не исключено, что он оказался прав. Тем более что Юрике Сангер появилась рядом с президентом, как отмечали аналитики ЦРУ, вскоре после визита Сукарно в Советский Союз. Но это достаточно странная, непонятная и загадочная история. Характерно, что связь президента Сукарно с Юрике закончилась довольно быстро, а их брак оказался совсем непродолжительным.

Тем временем индонезийцы начинали потихоньку обожествлять своего президента, приписывая ему черты мифи-

ческих героев древних эпосов, совершавших совершенно невероятные сексуальные подвиги. В конце концов в 1963 г. Ахмеда Сукарно торжественно объявили пожизненным президентом.

В этот же период Ахмед Сукарно в очередной раз женился. Надо полагать, его предыдущая жена Юрике Сангер, поскольку была студенткой, имела юный возраст. И на этот раз Ахмед тоже выбрал в жены отнюдь не старуху – весьма привлекательной яванке Харьяти исполнилось всего двадцать три года. Естественно, брак заключили по взаимной любви. Насколько известно, Харьяти стала последней официальной женой президента-плейбоя, перещеголявшего даже известного своей неутомимой страстью к любовным похождениям американского президента шестидесятых годов XX в., убитого в Далласе Джона Кеннеди.

Пожалуй, никого из глав правительств, равных в этом отношении Ахмеду Сукарно, в истории не отмечено.

Любовь и смерть Франклина Делано Рузвельта

Очень часто тайные любовные страсти вождей многих великих наций становятся известными только после несколько десятилетий спустя их кончины, когда наконец приоткрываются тщательно закрытые наглухо хранилища спецслужб и решаются открыть рты бывшие помощники, адъютанты или кто-то из дальних родственников, а то и обслуживавших вождей юристов. И то они делают это предельно осторожно и при гарантии собственной безопасности.

Часто любовные интриги вождей сопровождаются серьезными неразгаданными тайнами, прикосновение к которым может грозить простым людям смертью, – потому они и проявляют необычайную осторожность, зная, какая судьба постигла легкомысленных болтунов, решившихся приподнять завесу, скрывающую тайну, когда срок сделать это еще не пришел и власть предержавшие не дали добро.

Именно так обстоит дело и с тайнами любовных отношений и кончины Франклина Делано Рузвельта (1882–1945), который занимал пост президента Соединенных Штатов Америки в период с 1933 по 1945 г., в период страшной экономической депрессии и Второй мировой войны...

Баловень судьбы

С детства Рузвельта считали баловнем судьбы. Его отец, Джеймс Рузвельт, был богатым человеком, президентом ряда промышленных корпораций и владел большим родовым имением Гайд-Парк на берегу реки Гудзон, расположенным между шумным «Большим яблоком» – так американцы привычно именовали Нью-Йорк – и Олбани.

Мать Франклина – Сара Делано – была гораздо моложе мужа и также происходила из богатой промышленной элиты, принадлежавшей к высшим слоям американского общества. Ее семья владела угольными шахтами и рудниками, имела свой большой флот чайных клиперов, что в те времена приносило фантастические доходы, меднорудные месторождения и обширные участки земли, стоимость которых неуклонно росла год от года. Вполне понятно, юный Франклин ни в чем не нуждался. Он имел все, что мог пожелать. В четырнадцать лет Рузвельт поступил в частную школу для местной элиты в Гротоне, по ее окончании – в Гарвардский университет, а затем в Школу права Колумбийского университета. В 1905 г. двадцатитрехлетний Франклин женился на своей дальней родственнице Элеоноре, с которой еще до того тайно обручился, поскольку был в нее страстно влюблен. Влюбленность молодой муж доказал делом, и Элеонора родила одного за другим пятерых детей.

Блестяще образованный, красноречивый, высокий, стройный, элегантный – тогда еще коварная болезнь, приковавшая будущего президента к инвалидному креслу, не нанесла молодому человеку своего страшного и жестокого удара, – Рузвельт стал завсегдатаем множества клубов и мало интересовался юриспруденцией. Он не нуждался в средствах. Но Рузвельт честно выдержал нелегкий экзамен на членство в коллегии адвокатов и вскоре занял должность старшего клерка в довольно известной нью-йоркской юридической фирме «Картер, Ледиярд энд Милберн».

Вскоре его внимание привлекла политика – недаром, видно, ею с большим увлечением баловался отец Франклина: возможно, сыграли роль гены, но, вполне вероятно, сама судьба каким-то образом подсказала молодому, богатому и преуспевающему правоведу, что именно на политическом поприще его ждут истинное признание, широкая известность, слава и бессмертие. Как бы там ни было, в 1910 г. Рузвельта избрали делегатом на съезд демократов Нью-Йорка. А скоро энергичный юрист стал одним из лидеров партии и немало сделал на выборах президента Вильсона.

– Мы должны отблагодарить его, – сказал, вселившись в Белый дом, новый президент-демократ. – Как это лучше сделать?

– Говорят, он любит корабли и море, а у его тестя собственный парусный флот, – почтительно подсказал секретарь.

– Отлично, – прищелкнул пальцами Вильсон. – Пусть Рузвельта назначат помощником министра военно-морского флота!

В 1913 г. Франклин, действительно обожавший море и даже одно время намеревавшийся поступать в Военно-морскую академию в Аннаполисе, занял указанный президентом пост. С этого все и началось. Учитывая новое положение, его жена Элеонора решила пригласить себе секретаря, и ей порекомендовали Люси Мерсье. Вскоре та приступила к исполнению своих обязанностей.

Увидев новую секретаршу жены, Франклин на мгновение лишился дара речи – Люси была ослепительно молода и удивительно хороша собой. У тридцатилетнего помощника министра голова пошла кругом, и он забыл обо всем на свете, покоренный красотой очаровательной Люси. Франклин и сам был хорош собой, богат и умел ухаживать за женщинами, тем более если страстно желал как можно скорее добиться взаимности. И он ее добился! Ворота крепости, которую настойчиво осаждал Рузвельт, вскоре распахнулись, и Мерсье полностью капитулировала, сдавшись на милость победителя. Однако, даже сходя с ума от любви и вожделения, влюбленные, ставшие любовниками, умело скрывали свою связь и тщательно соблюдали меры предосторожности. С каждым днем Франклин увязал в своем безумном романе все глубже и глубже. Вскоре он ясно понял, что уже зашел очень далеко.

– Я готов начать новую жизнь, – прямо сказал он Люси. –
Мое состояние в настоящее время таково, что я готов оставить семью и детей, посвятив всего себя тебе.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Как всегда, нашлись доброхоты, которые сообщили Элеоноре о романе ее мужа с Люси. Оскорбленная жена забрала всех детей и немедленно уехала в имение в Кампобелло. Поразмыслив, Франклин решил, что это даже к лучшему: меньше слез и визгливых скандалов. Но судьба решила иначе.

– Как долго продолжается связь моего сына с этой девицей? – поинтересовалась у своего поверенного в делах мать Франклина – властная и очень богатая Сара Делано.

– Уже несколько лет, мэм, – почтительно ответил тот.

– Она действительно чертовски хороша, – прищурила глаза Сара, – но мне придется серьезно вмешаться в это дело, хотя бы ради чести семьи Рузвельт! Есть ли надежный способ избавиться от красавицы?

– Выдать ее замуж, – вполне серьезно посоветовал поверенный в делах. – Цепи Гименея часто бывают значительно крепче тюремных стен и кандалов!

– Это верно, – поразмыслив, согласилась Сара.

Она не привыкла откладывать дела в долгий ящик.

Очень скоро мать объявила сыну: в случае продолжения его связи с красавицей Мерсье она немедленно лишит Франклина финансовой поддержки! Это оказало на будущего президента Соединенных Штатов воздействие, сравнимое

с отрезвляющим холодным душем: деньги – это все! А жить без них он не привык и совершенно не умел! Одновременно начали обрабатывать и Люси, запугивая ее тем, что ей придется связать жизнь с отцом, бросившим пятерых детей! В пуританской Америке тех лет подобные аргументы имели весьма серьезный вес. Одними угрозами дело не ограничилось, и рядом с молодой красавицей появился весьма богатый представитель знатной нью-йоркской семьи Рутерферд. В 1920 г. Сара Делано одержала полную победу: Люси согласилась стать женой богача Рутерферда, который был старше ее на тридцать лет! Казалось, жизнь вошла в свою колею, все потихоньку успокаивалось и возвращалось на свои привычные места. Но Элеонора никогда не смогла забыть и простить мужу измены.

Страшное прозрение

В том же 1920 г., когда любовникам поневоле пришлось расстаться, демократы выдвинули Рузвельта на выборах на пост вице-президента в паре с известным тогда политиком Джеймсом Коксом. Франклин горячо взялся за дело – видимо, ему хотелось забыться и отвлечься от болезненного крушения любви – и объездил с предвыборными речами почти все Штаты. Как позднее подсчитали его биографы, Рузвельт в тот период произнес более тысячи речей. Однако, несмотря на все его усилия, демократы с треском проиграли предвыборную кампанию, и Франклин вынужденно вернулся к адвокатской практике. Все праздники, в том числе и праздник любви, закончились. Начинались суровые будни. Они оказались куда более суровыми, чем мог предположить бывший помощник военно-морского министра (этот пост Рузвельт оставил в 1920 г.). В августе 1921 г. его настиг полиомиелит, и у Франклина парализовало всю нижнюю часть тела.

– Это кара Господня! – сказала одна из знакомых семьи Рузвельт, узнав о болезни Франклина. – Как развратнику за измену жене!

– Возможно, наоборот, Господь испытывает того, кого он любит? – мягко возразил ей священнослужитель.

На удивление всем, Рузвельт проявил недюжинную волю и настойчивость в борьбе с болезнью: весной 1922 г. он

уже мог самостоятельно передвигаться на костылях, не прибегая к посторонней помощи. И его политические амбиции неизмеримо возросли. Дальновидный и хитрый правовед решил сделать свое несчастье козырным тузом в предвыборной борьбе. Кроме того, теперь он действительно хорошо понимал нужды калек и нищих, хотя сам никогда нищим не был.

В 1928 г. Рузвельт добился первого серьезного успеха на политической арене – его избрали губернатором штата Нью-Йорк. На этом посту его и застала страшная беда Великой депрессии. Франклин делал все что только мог, и простые американцы прекрасно видели и могли по достоинству оценить его усилия. Поэтому вскоре Рузвельта выдвинули кандидатом на пост президента страны. В 1932 г. Франклин выиграл гонку президентских выборов и повел страну «новым курсом», еще не зная, что впереди его ждет куда более страшное испытание, чем Великая депрессия. Имя этому испытанию – Вторая мировая война!

Рузвельт с честью выдержал и этот удар. В начале апреля 1945 г., как вспоминал впоследствии адъютант президента Дж. Дэниэл, Рузвельт решил отправиться передохнуть в Уорм-Спрингс.

– Мы тоже заслужили право на некоторую передышку, – с улыбкой сказал он своему адъютанту.

– Несомненно, сэр, – поспешил согласиться тот. – А вы заслужили ее, как никто другой.

– Ладно, старый льстец, – шутливо погрозил ему пальцем

Франклин. – Я хочу пригласить провести с нами время некоторых старых знакомых и приятных для меня людей.

– Ваши родственники, сэр?

– Не станем их беспокоить, – тонко улыбнулся президент. – Жене тоже нужно передохнуть от старого паралитика.

Как указывают многие биографы и эксперты, занимающиеся детальным изучением биографии президента Соединенных Штатов Америки Франклина Делано Рузвельта, гости появились в резиденции Уорм-Спрингс на следующий же день, то есть 9 апреля 1945 г. Какие же старые знакомые получили приглашение от президента провести с ним свободное время? Первой из приглашенных оказалась... Люси Мерсье-Рутерферд! Как позднее говорили, Рузвельт якобы пригласил ее исключительно для того, чтобы она привезла свою подругу, русскую художницу-эмигрантку Елизавету Шуматову. Той предстояло написать портрет президента США, который он намеревался подарить единственной дочери Люси. Многие эксперты и биографы Рузвельта совершенно справедливо задаются вопросом: а кто отец этой девочки? Официальный муж красавицы любовницы президента престарелый миллионер Рутерферд или... сам Франклин Делано Рузвельт?

Возможно, он предчувствовал свою близкую кончину и хотел подарить портрет единственной дочери, рожденной ему любимой женщиной, с которой его вынудили расстать-

ся?

Вместе с художницей Шуматовой приехал еще один эмигрант – фотограф Роббинс, – который намеревался сделать целую серию снимков президента: за время отдыха Шуматова могла не успеть закончить портрет, а когда представится иная возможность работать с натурой, никто заранее сказать не мог. Даже сам президент Соединенных Штатов.

Девятого числа никто не работал, но уже десятого Роббинс начал делать снимки. Однако президент остановил его:
– Лучше сделайте фото Люси, прошу вас. Мне хотелось бы иметь его на память, если нет возможности постоянно видеть оригинал.

– Да, конечно, я непременно сделаю это, сэр, – поспешил заверить фотомастер. – Непременно, сэр!

Встреча в Уорм-Спрингс если и являлась свиданием президента с любимой женщиной, то это свидание явно не носило любовного характера и, по всей вероятности, не предусматривало интимных отношений, поскольку в резиденции среди приглашенных присутствовали две племянницы Рузвельта. Они находились в кабинете, когда Роббинс делал фотоснимки и когда Франклин позировал Шуматовой. Впрочем, многие эксперты не исключают никаких вариантов. Важно то обстоятельство, что там вполне открыто присутствовала Люси!

До двенадцатого апреля все шло вполне нормально. Утром рокового дня президент работал с бумагами, а худож-

ница работала над его портретом. Затем президент заявил, что он устал и хотел бы отдохнуть.

– Я с удовольствием займусь моей коллекцией марок, – сказал он и действительно некоторое время провел за этим занятием, а потом вновь вернулся к деловым бумагам.

Вскоре слуги стали накрывать стол для ланча. Рузвельт закурил, глубоко затянулся, и вдруг лицо его исказила легкая гримаса боли. Он стал тереть лоб и шею ладонью.

– Ужасно болит голова, – извиняющимся тоном пожаловался он присутствовавшему в комнате.

– Открыть окно, сэр? – спросил один из слуг, но президент уже потерял сознание.

– Врача, врача! – истошно закричал кто-то из помощников Рузвельта.

Но спасти президента уже не удалось: через два часа, так и не приходя в сознание, он скончался. Согласно инструкции, личная охрана немедленно покинула резиденцию, чтобы немедленно начать охранять нового главу государства Гарри Трумэна, до этого момента являвшегося вице-президентом. Следом за охраной поспешно исчезли гости.

В полночь в резиденцию прибыла срочно вызванная вдова президента Элеонора. Она устроила форменное дознание помощникам и прислуге президента. Ей не стоило большого труда установить, что калека с несгибаемой волей ловко обвел вокруг пальца и жену, и мать!

Все считали, что в 1920 г. Рузвельт окончательно порвал

с Люси Мерсье и, когда та вышла замуж, больше никогда не виделся с ней. Но на самом деле все оказалось далеко не так. Сила взаимного чувства Франклина и Люси оказалась настолько велика, что они продолжали встречаться еще двадцать пять лет, несмотря на жуткую болезнь Рузвельта, превратившую его в калеку. Мало того, Люси даже наносила тайные визиты в Белый дом.

– Проклятье! – все, что могла сказать Элеонора.

Якобы она лично распорядилась похоронить президента в закрытом гробу, и это породило массу версий и слухов, вплоть до того, что президента внезапно убили выстрелом в затылок, обезобразившим его лицо. Кто убил? Ревнивая Элеонора, которая застала в резиденции Уорм-Спрингс давних любовников? Или политические противники, причем в присутствии довольно многочисленной охраны? Да убили ли Рузвельта?

В данном случае куда важнее многолетняя любовная связь Рузвельта с Люси Мерсье, продолжавшаяся более тридцати лет! И, как уже говорилось, даже после того, как Франклин стал калекой, неспособным самостоятельно передвигаться.

Тернистый путь любви «Красного маршала»

Сейчас, наверное, многие не знают, кто такой Семен Михайлович Буденный, хотя средства массовой информации довольно часто напоминают о «подвигах» Первой конной армии, которой командовал С.М. Буденный в период Гражданской войны, и его совершенно провальных, приводивших к большим жертвам и обострению оперативной обстановки на фронте командных решениях в период Великой Отечественной.

Дочь маршала, Нина Семеновна Буденная, в советское время работавшая в одном из крупных партийных издательств, пользуясь своим положением, выпустила книжечку сусальных рассказиков об отце, в которых он представлялся чуть ли не былинным героем. Но тогда строго запрещали вспоминать слова возмущенного наркомвоенмора Льва Троцкого, который, побывав в Первой конной, предельно откровенно сказал о Буденном и его «войске»:

– Настоящая банда!

Троцкого считали врагом. Однако и слова верного слуги партии и народа, заместителя самого Феликса Дзержинского по ВЧК товарища Петерса тоже держали за семью печатями. А Петерс, между прочим, телеграфировал товарищу Лени-

ну в Москву такими словами: «Банды Буденного заняли Ростов!...»

Далее сообщалось о жуткой резне, бесконечных погромах, беззастенчивых грабежах, эшелонах награбленного добра, прицепленных к ним салон-вагонах с гимназистками и монашками. Чекист «номер два» требовал у Ленина расстрелять бандита Буденного.

Правда жизни никак не похожа на сусальные рассказы дочери, в которых крайне скудно образованный, зато бесшабашно смелый и жестокий человек, обладавший определенной жизненной сметкой и хитростью, представал беззаветным героем в деле борьбы за счастье всех трудящихся.

Не стоит забывать: долгое время Первая конная армия С.М. Буденного являлась одной из сильнейших частей в Красной Армии. Отсюда происходили и определенные любовные метаморфозы с «первым маршалом» – не только в силу данных ему столь разными людьми характеристик, но и в силу обстоятельств, вознесших его на самый верх пирамиды коммунистического правительства и воинского командования времен советской власти...

«Мы – красные кавалеристы...»

Оставим в стороне все военные и политические перипетии биографии красного маршала-долгожителя – он прожил девяносто с половиной лет – и расскажем только о его официальных женах. Ведь, как утверждает людская молва, Семен Михайлович страстно любил не только лошадей. Впрочем, это совсем не удивительно – невысокого роста, но крепкий и сильный, он был очень здоровым мужчиной: в царское время больных в армию не брали, тем более в кавалерию, где служба считалась непростой – кроме себя, кавалерист обязан обихаживать своего коня: чистить, убирать за ним навоз, кормить и так далее. К тому же вырос Буденный в многолетней крестьянской семье на юге России, но к казачьему сословию не принадлежал, о чем сначала открыто, а потом тайком сожалел всю жизнь.

Первый раз Семена женили практически по воле родителей в двадцатилетнем возрасте. И срок подошел, чтобы на чужих баб не заглядывался, да и в семье лишние руки в работе не мешали: жену взяли крепкую да работающую. Однако семейная жизнь Семена Михайловича и Надежды Ивановны – так звали его молодую супругу – продолжалась вполне счастливо недолго. В Российской империи молодые люди двадцати одного года подлежали призыву на действительную военную службу. Призвали и Семена. В казачьи части, как не

казак, он попасть не мог, хотя и призывался фактически из области Всевеликого войска Донского, поэтому определили Буденного в драгуны.

О любовных приключениях Буденного в период верной службы государю и отечеству, вполне естественно, ничего не известно. Можно только предполагать, что молодой здоровый парень вряд ли мог долго вытерпеть без женского общества. Зато точно известно: Семен Буденный старательно копил деньги на свой пусть маленький, но конный заводик и занимался платной выездкой лошадей-неуков для офицеров.

В период Первой мировой войны он воевал на Турецком фронте, проявил храбрость и стал георгиевским кавалером, как тогда говорили, «с полным бантом» – то есть получил все положенные по его чину унтер-офицера награды. Но война кончилась, началась революционная смута, и в конце концов Семен Буденный оказался дома.

Вскоре он сколотил отряд, который, по сути, являлся натуральной бандой и орудовал преимущественно по ночам – в отряде насчитывалось около тридцати сабель. Семена даже пороли за насилие и грабежи, однако судьба оказалась к Буденному благосклонной: он попал в подразделение истинного создателя красной конницы Бориса Мокеевича Думенко начхозом.

Русское лихолетье прихотливо вертело людьми и то возносило их высоко, то бросало в бездну без следа. Думенко по ложному доносу расстреляли, и, совершенно неожидан-

но для самого себя, Буденный за какие-то несколько месяцев взлетел от начхоза дивизии до командарма. Просто умел понравиться начальству, выполнял, что говорили, да и, честно говоря, поставить командовать было особенно некого. Естественно, Надежда Ивановна Буденная находилась при таком важном муже. Официально, как впоследствии указывалось во всех биографических и мемуарных изданиях, она заведовала снабжением медицинской части «Красного войска» бинтами и лекарствами. Малограмотная, сильно раздобревшая, способная при случае пустить трехэтажным матом, Надежда Буденная большей частью обихаживала мало отличавшегося от нее мужа, настойчиво побуждая его к грубым любовным играм. Ей очень хотелось подарить Семе ребенка, но ничего не получалось. Осмотревший женщину в одном из городов на славном боевом пути Конармии врач-гинеколог никаких отклонений у нее не нашел:

– Вы здоровы, гражданка. Возможно, дело в вашем муже?

– Не, и он здоровый, – уверенно ответила Надежда.

– Тогда не знаю. – Врач предпочел не продолжать разговор, способный иметь непредсказуемый конец: кто их знает, этих буденновцев...

Гражданская закончилась. Буденного осыпали орденами и наградами, несмотря на многие неудачи и явные поражения его воинства. Почему? Да потому, что хитрый командарм с мужицкой сметой понял, кому нужно кланяться и на кого делать ставку.

– Вы всегда можете твердо опереться в борьбе с врагами на Конармию, – улучив момент, сказал он Сталину, специально не уточнив, что имеет в виду врагов трудового народа, и Сталин его отлично понял.

Но слова для хитрого горца значили мало, и Буденному пришлось делом доказать свою преданность будущему вождю всех трудящихся. И он это сделал. Домами он дружил со старым соратником по Конармии и приближенным Сталина Климом Ворошиловым. Жена Климента Ефремовича Екатерина Давидовна, впоследствии много лет занимавшая должность директора музея Ленина, постоянно, но безуспешно пыталась «облагородить» семейство Буденных. До революции Екатерина Давидовна работала белошвейкой, обшивала разных господ и потому считала себя человеком высокой культуры. У нее дома даже жил добытый где-то мужем попугай, говоривший на французском.

В 1923 г. чета Буденных переехала в Москву. Политика Надежду интересовала мало, зато она любила компании, шикарный большой заграничный автомобиль мужа, вино и фрукты, которые всегда доставляли в изобилии, и... завела роман с каким-то молодым человеком. По некоторым сведениям, Буденному об этом донесли, но он не выдал себя ни взглядом ни словом.

Тенор, поляк или... японец?

Люди, достаточно хорошо знавшие маршала Буденного – любимца Сталина и героя Гражданской войны, – четко характеризовали его как человека честолюбивого, тщеславного и довольно скрытного. Нетрудно догадаться, что подобную характеристику составляли сотрудники ОГПУ – НКВД. При этом особо отмечались склонность Буденного к позерству и его врожденное лицемерие, которое некоторые товарищи считали по простоте душевной определенными актерскими способностями: есть же самородки? Опять же, не зря говорили, что Буденный без ума не только от лошадей...

Все началось в Кисловодске, очень модном в советские да и в дореволюционные времена курорте, куда маршал прибыл для отдыха и лечения. Очень скоро острый глаз полководца Гражданской заметил в толпе отдыхающих молодую и красивую стройную брюнетку, прогуливавшуюся по знаменитому парку с каким-то красным командиром.

– Кто такая? – подкрутив знаменитые усы, спросил у адъютанта Семен Михайлович.

– Ольга Стефановна Михайлова, – через некоторое время доложил тот. – Разведена, говорят, муж был горький пьяница. Теперь за ней ухаживает краском Н. С ним она и прибыла на курорт.

– Полагаю, такая женщина ему еще не по рангу, – зло

буркнул Буденный.

– Так точно, – вытянулся адъютант.

– Организуй, – приказал маршал, разглядывая красотку в сильный бинокль.

Достоверных сведений о том, сколь долго продолжалась осада, не имеется, но, по всей вероятности, возможности и напористость лихого кавалериста произвели должное впечатление, и Ольга Стефановна сдалась на милость победителя. Естественно, Буденный тайно увез ее с собой в Москву. Тайно, поскольку в столице ждала законная супруга...

Весть о том, что Надежда Ивановна Буденная застрелилась, всколыхнула всю Москву. Как, что, почему, неужели из-за интрижки с тем самым молодым человеком?

– Несчастный случай, – не моргнув глазом, объяснил чекистам Буденный. – Трагическая случайность!

По его словам, около дома он увидел подозрительных личностей и поэтому приготовил оружие. Дома находилась компания гостей – Надежда вечно устраивала шумные пиршества и посиделки, – маршал положил оружие на стол и пошел переодеться, а когда вернулся в комнату, замер от ужаса: Надежда стояла, приставив пистолет к виску. Дурачась, она явно изображала какую-то сценку. Слова застыли у Семена Михайловича от ужаса в горле, он хотел крикнуть, предупредить, что оружие заряжено, но... не успел!

Следствие вполне удовлетворилось объяснениями, и Буденный понял: это Сам так велел! И преисполнился еще

большей преданности Иосифу Виссарионовичу.

Схоронили Надежду быстро. Едва справили поминки, Семен Михайлович ввел в дом новую хозяйку – Ольгу Стефановну. Она послушала, как красный командир высокого ранга играет на гармошке, самозабвенно закрывая от удовольствия глаза, – Буденный был страстным гармонистом, и записи его игры даже передавали раньше по радио, естественно, не сообщая, кто играет, а скромно объявляли: «дуэт баянистов». В дуэте второй мастер прятал все погрешности Семена Михайловича. И тут молодая жена попросила:

– Мне так петь хочется!

– Так в чем дело? – удивился счастливый молодожен. И быстренько «поступил» жену в консерваторию.

– Она прекрасная певица, – вскоре говорил он в начальственных кабинетах, и жена стала петь ведущие партии в Большом театре. Шут с ними, с Ворошиловыми, пусть Давидовна гордится птичкой попугаем, зато у него такая канарейка!

В тридцать седьмом его по-дружески пригласил навестить кабинет на Лубянке сам нарком Николай Ежов, намекнув, что это с ведома и по поручению Сталина. Буденный приехал. Маленький, хилый, впоследствии признанный хроническим алкоголиком и сам признававшийся в гомосексуализме, Николай Иванович Ежов, которого маршал знал еще как работника ЦК партии, стал выкладывать перед сомлевающим кавалеристом донесения о посещении Ольгой Стефановной

посольств иностранных держав, о вечеринке на даче японского посла, об игре на скачках, откровенничаниях с дипломатами враждебных СССР стран за кулисами театра и, наконец, сожительстве с тенором Алексеевым.

– Сам с ней разберусь, – сжав тяжелый кулак, мрачно пообещал Буденный. – Это семейное дело!

– Ошибаетесь, Семен Михайлович, – с улыбочкой заверил Ежов. – Не семейное это дело, а партийное. Пахнет оно дурно: шпионажем! Товарищ Сталин считает, что нельзя позволить врагу скомпрометировать честь и славу Красной Армии.

Буденный хоть и был человеком не слишком великого ума, но прекрасно понял: все уже решено. Но все же надумал побороться за жену и лично во всем разобраться. Своими методами. И опять дома он себя не выдал ни словом, ни взглядом. По некоторым сведениям, с Ольгой у них были дети. Согласно другим источникам, детей не было. Ряд западных экспертов утверждает, что детей воспитали родственники Ольги Стефановны. Достоверно ничего утверждать нельзя.

Факт то, что Ежов тоже после разговора затаился, и успокоенный супруг отбыл инспектировать войска. В тот же вечер за Ольгой пришли...

Вступить за жену по горячим следам маршал не успел или побоялся, а потом уже было поздно: ему показали признательные протоколы, где Ольга Стефановна чистосердеч-

но каялась, что семь лет тайно сожительствовала с сотрудником разведки панской Польши, работавшим в польском посольстве в Москве, и получила от него в качестве вознаграждения за предоставленные сведения более двадцати тысяч рублей...

А вот и первенец!

Ольгу Стефановну арестовали в августе 1937 г. Буденный хотел обратиться к Сталину лично, но испугался за себя и... обратил свое чисто мужское внимание на молоденькую и хорошенькую двоюродную сестру арестованной жены Марию. Она приехала из Курска учиться на стоматолога и часто помогала сестре по хозяйству – практически как домработница.

Ольге дали восемь лет лагерей. Семен Михайлович, не смущаясь разницей в возрасте более тридцати лет, предложил Маше выйти за него замуж. Та попросила время подумать и кинулась к Варваре Ивановне – матери Ольги: как-никак, та ей приходилась родной теткой.

– Соглашайся, – вздохнула Варвара после долгого раздумья. – Глядишь, несчастной сестре чем пособишь, да и нас убережешь. И сама не прогадаешь при таком положении.

В августе 1938 г. у Буденного родился сын. Потом дочь, потом еще сын. О пропавшей в лагерях жене – сестре нынешней супруги – маршал старался вообще никогда не вспоминать. Но вспомнил. Только в 1955 г., когда уже не стало ни Самого, ни Лаврентия Берии, он посодействовал бывшей жене обрести свободу и вернуться в столицу. Она жила в ссылке в Красноярском крае и давно повредила в лагерях рассудком.

Купавшаяся тогда в роскоши чета Буденных помогла ей материально. Ольга Стефановна от помощи не отказалась, но когда Семен Михайлович выразил желание повидаться с ней, отрезала:

– Нет!

До конца своих дней Буденный прожил в почете и полном достатке – его объявили «живой легендой пролетарского государства, героем революции и Гражданской войны». Мария стала его последней официальной женой. 26 октября 1976 г. девяностолетний маршал скончался от кровоизлияния в мозг и получил почетное место в кремлевском пантеоне.

Тернистый путь жизни, любви, предательства и героизма, что так причудливо сплелись в судьбе одного человека, закончился...

Счастье Дизраэли

Когда речь заходит о великих политиках Британской империи, первым, несомненно, вспоминают сэра Уинстона Черчилля, а следом за ним непременно Бенджамина Дизраэли, графа Биконсфилда (1804–1881), являвшегося самым ярким и удачливым, ловким и хитрым политиком викторианской эпохи – эпохи наивысшего расцвета империи.

Бенджамин Дизраэли прожил долгую жизнь и оставил в истории очень заметный след. Особенно в истории дипломатии и экономики. Он дважды избирался премьер-министром Великобритании и формировал правительство ее величества. По отзывам современников и оценкам беспристрастных историков, граф Биконсфилд вел весьма тонкую политику, направленную на укрепление империи и достижение выгодных для нее результатов.

В частной жизни он тоже отличался довольно незаурядным поведением, одновременно романтичным, суеверным и до ужаса расчетливым...

Пророчество

Биографы Бенджамина Дизраэли иногда любят рассказывать, что в юные годы, когда будущий граф Биконсфилд еще даже не начал заниматься политикой и экономикой, совершенно не помышляя о той головокружительной карьере, которая ждала его в будущем – шутка ли, встать во главе правительства огромной империи, владевшей тогда чуть ли не половиной мира! – один из случайных приятелей, каких обычно много бывает у молодых людей, позвал его развлечься.

– Каким образом? – поинтересовался уже тогда проявлявший рационализм Бенджамин.

– О, мой друг! Неужели ты ничего не слышал?

– А что я должен был слышать? – насторожился Дизраэли.

– Да все в Лондоне только и говорят о том, что в столице империи находится проездом направляющийся в Америку знаменитый китайский маг и гадатель – то ли Сун Ли, то ли Лу Сун, а может быть, Ли Мун?

Точного имени этого гастролера, которых в те времена насчитывалось превеликое множество, история не сохранила. Гораздо важнее то, что Дизраэли заинтересовался предложением приятеля: молодость всегда любопытна.

В те дни попасть на сеанс экзотического азиатского ясновидца стремились многие представители совершенно различных слоев английского общества. Многие даже специ-

ально приезжали из других графств и даже из Шотландии, чтобы попасть на прием к знаменитому китайцу. Он обычно принимал клиентов, жаждавших чудес и предсказаний судьбы, в широком черном шелковом халате, богато расшитом извивающимися серебряными и золотыми драконами. Маг сидел за тонкой занавесью из зеленоватой кисеи меж двух ароматических курильниц.

Падкий на все экзотическое лондонский высший свет считал своим долгом отметить у китайского мага и прорицателя.

– Говорят, он выделяет просто умопомрачительные вещи, – захлеб рассказывал Бенджамину один из приятелей. – Представляешь, курит маленькую трубку с длиннющим мундштуком, прихлебывает зеленый чай из красной фарфоровой чашечки, украшенной выписанными золотом непонятными иероглифами, потом смотрит на дым, идущий из трубки, и плавающие в чашке чайинки и начинает предсказывать. Просто мороз продирает по коже от мистического ужаса.

– И все точно? – усомнился Дизраэли.

– Абсолютно!

– Ну, как раз это очень сомнительно, – усмехнулся всегда отличавшийся трезвым практицизмом и несколько циничным взглядом на жизнь будущий граф Биконсфилд.

– Хорошо! Пойдем туда с нами, и все увидишь собственными глазами.

– Сколько нужно заплатить этому азиату? – озабоченно спросил будущий премьер-министр империи и, услыша ответ, решительно отказался. – О, нет! Это слишком много для того, чтобы поглядеть на косоглазого шарлатана. Пожалуй, я откажусь от столь дорогого и сомнительного удовольствия.

– Ах ты, скряга, – рассмеялся приятель. – Отлично, так и быть: я заплачу за тебя!

– Это другое дело, – удовлетворенно кивнул Бенджамин...

Знаменитый китайский маг оказался низкорослым сухощавым мужчиной средних лет, с постоянно полуприкрытыми набрякшими веками глазами, взгляд которых был устремлен куда-то вдаль поверх голов посетителей, словно он видел там нечто, недоступное остальным, не посвященным в таинства.

Зябко кутаясь в роскошный, расшитый драконами халат из струящегося черного шелка, маг мелкими глотками пил чай и, глубоко затягиваясь, курил трубку с длинным мундштуком.

– Что желают господа? – спросил он через переводчика.

– Узнать о своих будущих невестах и женах, – опередив Дизраэли, быстро выпалил приятель. – Какова окажется наша семейная жизнь? Достигнем ли мы в ней счастья?

Внимательно выслушав перевод, китаец мельком бросил взгляд на модно одетых визитеров и чуть заметно улыбнулся.

– Как я полагаю, тебе совершенно не о чем беспокоить-

ся, – повернул он бесстрастное, как у восточного божка, лицо к задавшему вопрос приятелю Дизраэли. – Ты женишься вполне своевременно, брак твой окажется по любви и будет вполне счастливым. Можешь считать, что впереди тебя ждет щедрая удача: жена твоя будет красива и богата, дети здоровы и почтительны. Жена переживет тебя, но замуж больше не выйдет, посвятив себя семье и вашему Богу. Так что все обстоит хорошо.

– Уфф... – Приятель Бенджамина промокнул вспотевший лоб платком и облегченно перевел дух.

– Теперь ты! – Длинный тонкий мундштук трубки азиатского мага показал на будущего известного политика. – Ты оказался очень скуп и не захотел заплатить! Значит, ты не веришь в то, что предначертано самим небом? Но судьба сама заставит тебя заплатить за неверие. Вот твоя плата: ты навсегда останешься холостым!

– Зачем же так сурово? – всполошился ошарашенный хорошим предсказанием приятель будущего премьера. – Я отдал за него положенную плату.

– Дин хао! Очень хорошо. – Загадочный китаец снова желчно усмехнулся и небрежно отмахнулся рукавом длинного халата. – Значит, он не только очень скуп, но и весьма расчетлив? Ладно, так и быть, пусть все-таки женится, но это произойдет поздно, в зрелом возрасте и исключительно по расчету. И брак останется бездетным!

– Почему же вы так желаете мне несчастья? – искренне

изумился Бенджамин, на самом деле ни на йоту не поверивший предсказаниям китайца.

– Отчего ты считаешь мое предсказание несчастливым? – в свою очередь удивился маг, показав в улыбке длинные желтые прокуренные зубы. – Счастье у каждого свое. Иди, пока небо еще остается благосклонным к тебе. Мой совет: не искушай его понапрасну недовольством!

Друзья ушли. Дорогой Дизраэли выразил серьезное недоумение: зачем его затащили к этому ряженому шутому? Какая глупость пойти туда, да еще заплатить приличные деньги. Потеряны и средства, и время!

Между тем, как отмечают биографы, якобы на следующий же день тайком от всех Бенджамин Дизраэли собрался еще раз посетить загадочного китайского мага и серьезно поговорить с ним, уже не жалея золотых монет. Но... Как оказалось, китаец еще вчера вечером сел на корабль и отплыл от берегов Великобритании. Больше о нем в Лондоне никто никогда ничего не слышал...

Исполнение пророчества

Можно считать это полным совпадением или счастливым случаем, а не предсказаниями загадочного китайского мага и прорицателя, однако год спустя приятель Бенджамина познакомился на одном из званых вечеров с молодой очаровательной девушкой из состоятельной семьи. Между молодыми людьми быстро вспыхнуло чувство, и вскоре весь Лондон уже говорил о состоявшейся помолвке. За ней последовала и свадьба.

– Что до меня, то пусть, вполне возможно, я совершу в своей жизни величайшую ошибку, но никогда не женюсь по любви, – услышав о пышной свадьбе приятеля юных лет, амбициозно заявил Дизраэли.

– Ну полно, – остановил его один из давних знакомых. – Возможно, ты просто завидуешь ему, но даже сам себе не желаешь в этом признаться?

– Ничуть! – как отрезал Бенджамин.

А позавидовать действительно было чему. Давний друг, как и напроорочествовал ему азиатский маг, оказался счастливым, богат и любим. Возможно, Бенджамин Дизраэли действительно ужасно завидовал его семейному счастью, но ни за что не желал признаться в этом. Ведь долгие годы будущий граф оставался одиноким холостяком, ни одна женщина или девушка не интересовалась им и не могла заинтере-

совать его.

О давнем пророчестве экзотического китайского мага все давным-давно забыли, но, возможно, о нем как раз стоило бы и вспомнить! Ведь все происходило в точности так, как он предсказал. Многие хорошие знакомые настойчиво уговаривали Дизраэли жениться, не раз предлагали ему выгодные и хорошие партии, однако политик неизменно отказывался.

– Благодарю вас, – с улыбкой отвечал он. – Однако полагаю, что еще не настало время.

– Не упустите его, сэр, – однажды холодно заметил один из лордов.

– Надеюсь, этого не случится, – заверил его Бенджамин. – Хотя время – самая ненадежная субстанция.

Наконец случилось то, чего все столь долго ждали и уже откровенно говоря, даже не надеялись дожждаться. В возрасте тридцати пяти лет – по тем временам это считалось очень поздно – Дизраэли сугубо по расчету выбрал себе в жены... пятидесятилетнюю богатую вдову! Если в тридцать пять мужчина тогда считался зрелым, то пятидесятилетняя женщина безоговорочно записывалась светом в древние старухи!

Лондонское общество было изрядно шокировано: известный политик женится на древней старухе? Не иначе как из-за ее денег – и теперь станет с нетерпением ждать ее скорой кончины? Боже, как низко!

Тем временем Бенджамин отправился в дом своей из-

бранницы Мэри-Энн и сделал ей официальное предложение:

– Прошу вас, сударыня, оказать честь стать моей супругой и отдать мне свою руку и сердце.

– Мне трудно отказать вам, милый Бенджамин, – лукаво улыбулась невеста. – Я согласна.

Конечно же Мэри-Энн не зря прожила полвека и отлично знала, что такое жизнь: дурочкой ее назвать никак нельзя. Она прекрасно понимала: ни о какой страстной любви здесь не может идти даже речи. Но тем не менее лукавая невеста испросила у жениха год отсрочки!

– Отчего так? – не понял Дизраэли.

– Видите ли, сударь, – скромно отвечала Мэри-Энн. – За это время я желала бы хорошенько изучить ваш характер и привычки, с тем чтобы наша жизнь не вышла из привычного нам обоим русла.

– Это вполне разумно, – кивнул Бенджамин и охотно согласился подождать еще год.

Время пролетело быстро, и Дизраэли наконец-то стал женатым человеком. Следует прямо сказать: его избранница не могла похвастаться ни молодостью, ни красотой и даже не блистала образованностью или умом. Мало того, ее вкусы в одежде и убранстве комнат особняка тоже оставляли желать лучшего и служили предметом постоянных ехидных насмешек в высшем английском обществе. Но англичане, со свойственным им тактом, решили отнести все это на счет эксцентричности Мэри-Энн – это качество на Островах всегда

оставалось очень уважаемым и признавалось неотъемлемым правом каждого человека.

Что же касается образованности, то и Бог с ней – совершенно не важно, что Мэри-Энн не знала множества совершенно элементарных вещей, известных даже школьникам. Зато она была очень богата! Это ее качество заставляло закрывать глаза на все остальное и напрочь забывать о любых недостатках.

Следует признать, что расчет Бенджамина Дизраэли оказался совершенно верным. По-своему он даже оказался счастлив в семейной жизни. И опять – как тут не вспомнить загадочного китайского мага и предсказателя: ведь все случилось именно так, как он некогда говорил.

Дом Мэри-Энн стал для Бенджамина Дизраэли местом истинного отдохновения от тяжелых трудов в политике, экономике и дипломатии. Здесь никто никогда не пытался состязаться с ним в остроумии и находчивости или противопоставить свой интеллект отточенному интеллекту Дизраэли. Наоборот, добрая Мэри-Энн всегда совершенно искренне восхищалась всем, что делал ее муж, и никогда не выражала никаких сомнений в его полной правоте в любом вопросе. Ей даже в голову не могло прийти противоречить ему: всю свою жизнь она целиком и полностью посвятила знаменитому мужу.

В свою очередь, Дизраэли в течение трех десятков лет, пока состоял в браке с Мэри-Энн, ни разу не критиковал ее,

не высказывал неудовольствия и не произнес в ее адрес ни слова упрека!

– Мы прожили вместе тридцать лет, – впоследствии говорил Дизраэли. – И представьте, джентльмены, мне никогда не было с ней скучно!..

Любовницы Адольфа Гитлера

Антигитлеровская пропаганда неоднократно писала о якобы присущих фюреру германского национал-социализма серьезных проблемах и даже извращениях в половой сфере. Однако в действительности Гитлеру всегда нравилось общество красивых женщин и он никогда не избегал его. Как позднее писали в мемуарах многие соратники и приближенные Гитлера, во время войны Адольф иногда любил вспоминать о своих прежних любовных похождениях, даже когда уже сожительствовал с Евой Браун.

Эти воспоминания не являлись пустыми фантазиями: многие факты связи Адольфа Гитлера с различными женщинами подтверждены документами и показаниями свидетелей, не имевших совершенно никаких выгод от искажения истины...

«Веселая Вена», Баварские Альпы и другое

Известно, что в так называемый венский период своей жизни – еще до Первой мировой войны, – Гитлер встречался и сожительствовал со многими женщинами, имена которых история большей частью не сохранила. Нередко и довольно охотно он прибегал к услугам проституток. Позднее американская разведка сумела установить: одна из них забеременела от будущего фюрера. Но беременность не прерывала и родила ребенка. Якобы мальчика. Однако разыскать эту женщину и проследить дальнейшую судьбу ребенка не удалось даже приложившим для этого немало усилий американским спецслужбам. Данный факт остается загадкой и неразрешимой тайной.

Значительно лучше известно о более поздних периодах жизни Гитлера. После «пивного путча», когда ему запретили заниматься политической деятельностью, будущий фюрер много времени проводил в Баварских Альпах, в небольшом живописном курортном местечке Оберзальцберге: там он жил в разных гостиницах и очень любил развлекаться в компании «товарищей по партии».

Адольф называл Оберзальцберг «раем для отдыха и развлечений» и никогда не отказывался от попок и донжуанских походов, часто посещая заведение «Драймедерль-

хаус» – там он знакомился и заводил любовные интрижки с хорошенькими девушками.

– Одна из них была настоящая красавица, – с большим удовольствием вспоминал впоследствии Гитлер. – У меня тогда в избытке хватало свободного времени, и я знал много женщин.

Прожженный циник и демагог, эгоист до мозга костей, фюрер не помышлял о женитьбе, прикрываясь политическими мотивами, но тем не менее никогда не отказывал себе в обществе симпатичных женщин и охотно заводил достаточно долгие любовные связи. Известный американский историк и журналист Уильям Ширер со ссылкой на приближенных фюрера указывает имена некоторых сердечных пассий Гитлера.

Первой из наиболее известных обычно считают Гении Гаут, которая стала любовницей Адольфа Гитлера еще до 1923 г. Ее брат служил у Гитлера личным шофером, и будущий фюрер просто не мог не обратить внимания на весьма привлекательную и сексапильную Гении. Однако, несмотря на все старания, ей не удалось завоевать сердце будущего вождя германских национал-социалистов. Хотя, по отзывам знавших Гитлера людей, он очень хорошо относился к Гении.

Гаут сменила происходившая из очень обеспеченной и добропорядочной семьи Эрна Ханфтенгль: высокая, статная, очень привлекательная женщина. Некоторое время Гит-

лер был от нее просто без ума. Но со временем его страсть несколько остыла – фюрера постоянно угнетала разница в росте с красавицей Эрной. Как человек с комплексами, Адольф не мог позволить, чтобы женщина, с которой он поддерживает интимные отношения, была выше его ростом!

Правда, как выяснилось позднее, в интимных отношениях Гитлер совершенно не отличался склонностью к тирании, а наоборот, предпочитал полностью подчиняться любимым женщинам и в сексуальной сфере становился чуть ли не их покорным рабом, готовым выполнить самые причудливые желания любовниц. В этом плане в любовной связи Эрна подходила фюреру как нельзя лучше. Совершенно неизвестно, как дальше могли развиваться события, если бы дорогу красавице Эрне неожиданно не перешла Винифред Вагнер.

Винифред была невесткой знаменитого немецкого композитора Рихарда Вагнера, вдовой его покойного сына Зигфрида. Гитлер всегда благоговел перед музыкой Вагнера и млеял только при одном упоминании его имени. Он не раз повторял:

– Кто хочет понять германский национал-социализм, должен понять музыку Вагнера!

Когда вдруг представилась реальная возможность сделать своей любовницей Винифред Вагнер, вождь национал-социалистов не смог устоять перед таким большим соблазном. Скорее всего она импонировала ему и как женщина, поскольку их связь длилась достаточно долго. Адольф продол-

жал встречаться с Вагнер даже в период очень тесных любовных отношений со своей двоюродной племянницей Гели Раубаль (1908–1931).

Гели

Впервые Гитлер и Гели встретились в Баварии в 1925 г., и фюрер сразу же попал в сети очарования юной девушки и особенно ее мелодичного голоса. Но тогда их отношения не получили никакого развития. Впрочем, и отношений не возникло. Однако Адольф не забыл очаровательную двоюродную племянницу и, как только позволили обстоятельства, немедленно напомнил о себе.

Летом 1928 г. у Гитлера уже появились определенные средства, национал-социалистическая рабочая партия Германии имела собственную казну, и фюрер снял у вдовы одного из гамбургских промышленников виллу «Вахенфельд». Вилла ему так нравилась, что позднее, став канцлером, он купил ее и перестроил, превратив в огромный роскошный особняк под названием «Бергхоф». Но пока это было хотя и роскошное, но наемное жилье. Как надежную экономку для ведения холостяцкого хозяйства Гитлер пригласил из Вены свою сводную сестру Ангелу Раубаль, которой очень доверял. С ней приехали две ее дочери: молоденькая Фрид и двадцатилетняя Гели.

Гели неизменно привлекала внимание мужчин своей юной красотой. Она отличалась миловидностью, имела пышные красивые белокурые волосы, жизнерадостный характер и голос очень приятного тембра. Она страстно мечтала стать

певицей и надеялась, что «дядя Адольф» поможет ей сделать быструю, головокружительную карьеру на сцене оперного театра в Вене или другом крупном городе Австрии или Германии.

Очень скоро Гитлер забросил всех своих любовниц и не на шутку увлекся юной прелестницей. В ближайшем окружении фюрера не без веских оснований считали: это очень серьезное чувство. Гитлер повсюду возил за собой племянницу, не желая расставаться с ней ни на минуту, – она даже присутствовала на партийных собраниях и конференциях.

Видимо, постоянное присутствие в доме сводной сестры мешало развитию интимных отношений Адольфа и Гели, поэтому они часто совершали длительные прогулки в горы. А о посещении ресторанов, кафе и театров даже нечего говорить. Трудно определенно утверждать, отвечала ли Гели Раубаль искренней любовью Адольфу Гитлеру или в ее отношении к нему превалировал только голый расчет. Вместе с тем известно, что они безумно ревновали друг друга. Например, Гели была в полном отчаянии и устроила жуткую истерику, когда узнала о планах Гитлера жениться на Винифред Вагнер. В свою очередь, Гитлер дико ревновал Гели к своему телохранителю Эмилю Морису. Однако никаких подтверждений связи Эмиля и Гели нет, кроме всевозможных домыслов и слухов.

В 1929 г. Гитлер снял в Мюнхене, на одной из самых фешенебельных улиц Принцрегентштрассе, шикарную кварти-

ру из девяти комнат, одну из которых немедленно предоставил в полное распоряжение Гели. Об их интимной связи все говорили уже совершенно не таясь, да и сам фюрер больше не скрывал ее.

Это вызывало серьезное недовольство большинства «старых товарищей» по партии – по их мнению, вождь национал-социалистов Германии должен иметь значительно более строгие моральные устои. Позднее Адольф учел это и громко заявил:

– Я обручен с Германией! – А свою любовницу Еву Браун практически не выводил «в свет».

Но это случилось уже значительно позднее. А пока гауляйтер Вюртемберга на правах старого товарища попросил фюрера прекратить везде и всюду таскать за собой любовницу. Либо пусть узаконит их отношения и создаст здоровую немецкую семью. Его поддержали некоторые другие партийные функционеры.

От этого требования Адольф пришел в ярость – он изгнал гауляйтера с его поста. Но урок не прошел даром, и он всерьез задумался о женитьбе. Об этом свидетельствует тот факт, что вождь нацистов даже попытался заручиться разрешением церкви на брак с Гели, хотя ее мать являлась всего лишь сводной сестрой Адольфа.

Тем не менее в то же время постоянно Гитлер не переставал оказывать внимание и другим женщинам, хотя настоятельно требовал, чтобы Гели принадлежала только ему и по-

святила всю свою жизнь тоже только ему: Адольф запретил ей брать в Вене уроки пения, постоянно устраивал безобразные сцены ревности и вообще вел себя как истинный деспот. Отношения с Гели у него стали постепенно портиться.

В 1929 г. он написал матери Гели весьма откровенное письмо об их интимных отношениях, где прямо признавался в определенных сексуальных пристрастиях в половой связи с племянницей – речь шла о некоторых мазохистских наклонностях, значительно усиливавших половое возбуждение Гитлера. По воле нелепого случая это опасное письмо попало в руки сыну хозяйки дома, что впоследствии привело к трагическим событиям: Гитлер безжалостно уничтожил всех, кто только мог прочесть написанные его рукой строки, и вернул себе злополучное письмо.

17 сентября 1931 г. Гели заявила Гитлеру, что хочет вернуться в Вену и продолжить занятия вокалом. Адольф, настроенный категорически против, стал резко возражать, и разразился жуткий скандал со сценами ревности с обеих сторон. Согласно протоколу полиции, свидетелями этой сцены были многие соседи.

Утром 18 сентября, когда Гитлер уже уехал в Гамбург для проведения предвыборных мероприятий, Гели обнаружили в ее комнате с простреленной грудью. Полиция сочла это самоубийством. Но на протяжении многих лет ходили упорные слухи, что Гитлер сам в порыве вызванной ревностью ярости убил Гели. Либо сам, либо чужими руками.

Как бы там ни было, после смерти Гели Адольф стал вегетарианцем. Много лет подряд он без конца на разные лады повторял: Гели осталась его единственной большой настоящей любовью. Он непритворно благоговел перед ее памятью и часто вспоминал о девушке со слезами на глазах. Комната Гели на вилле сохранялась в неприкосновенном виде даже после серьезной реконструкции здания. Любимый художник фюрера Адольф Циглер написал портрет Гели, который в день ее рождения и смерти непременно украшали живыми цветами...

Ева

Следующей постоянной любовницей фюрера, а в последние часы его жизни законной женой стала Ева Браун. Интимные отношения между Адольфом Гитлером и Евой Браун продолжались практически пятнадцать лет. Эта действительно красивая, довольно неглупая, хорошо образованная женщина была моложе фюрера на двадцать три года.

Ева Браун родилась в феврале 1912 г. в Мюнхене, в семье школьного учителя. Она получила считавшееся в то время для девушки очень хорошим образование, закончив в 1929 г. школу при монастыре. С детства Ева увлекалась спортом, занималась плаванием, гимнастикой, лыжами и скалолазанием, неплохо бегала на коньках. Девушка выросла высокой, стройной, с красивыми правильными чертами лица, но была достаточно застенчивой.

Работать она устроилась в условиях жуткого экономического кризиса в фотоателье Гофмана, ассистенткой. Гофман уже тогда стал личным фотографом восходящей политической звезды Адольфа Гитлера, который однажды летом зашел в фотоателье. Фюрера сразу привлекли стройные ноги молодой ассистентки, ее симпатичное лицо и точеная фигурка. Но он ничего не сказал и только познакомился с Евой, однако Гофман сразу понял все!

В тот период у Гитлера бурно развивался закончившийся

трагедией роман с Гели Раубаль. Тем не менее уже тогда, в конце 1930 г., Адольф начал активно ухаживать за Евой Браун: он часто приглашал ее в оперу и на прогулки. Вождя постоянно сопровождали несколько телохранителей, поэтому Ева и Адольф практически не оставались наедине. Девушке тогда исполнилось всего восемнадцать лет, но по свидетельствам ряда исследователей, она уже в этом возрасте заявила и позднее не раз подтверждала:

– Гитлер – именно тот мужчина, которого я стану любить и боготворить всю жизнь!

Конечно, подобное заявление, прозвучавшее из уст восемнадцатилетней бывшей воспитанницы монастырской школы, может показаться странным, но тем не менее это действительно ее слова.

Осенью 1931 г. произошла трагедия с Гели Раубаль, Гитлер одновременно встречался с Гели, которая открыто жила в его мюнхенской квартире, ухаживал за Евой и продолжал сожительствовать с Винифред Вагнер. По воспоминаниям многих лиц, хорошо знавших Гитлера, и свидетельствам архивных документов Адольф опасался слишком сильно привязаться к какой-нибудь из женщин.

– Умному человеку следует иметь примитивную и глупую женщину, – не раз говорил он в кругу соратников по партии. – Представьте, что произойдет, если у меня появится женщина, которая начнет вмешиваться в мою работу?

Гebbельс не раз пытался получить определенный кон-

троль над фюрером, постоянно знакомя его с удивительно красивыми блондинками, но опоздал: Гитлер уже сделал свой выбор в пользу Евы Браун. Она не лезла в политику, скромно держалась в тени, была хороша собой и абсолютно подчинялась влиянию своего любовника. Официальные биографы Гитлера утверждают, что интимные отношения с Евой начались в 1932 г., но, зная половую распущенность Гитлера, который уже в семнадцать лет в Вене вовсю кутил с проститутками, можно не сомневаться: это случилось значительно раньше. Однако виделись они редко. И тогда Ева сделала беспрюирышный ход: она написала фюреру прочувствованное прощальное письмо и выстрелила в себя из отцовского пистолета. Это произошло 1 ноября 1932 г. Девушку спасли.

Узнав о случившемся, Гитлер примчался в Мюнхен с большим букетом цветов.

– Она хотела умереть из-за любви ко мне, – со слезами умиления повторял он.

Теперь фюрер не оставлял Еву своим вниманием, даже став канцлером. Но жениться на ней он не собирался, и Ева предприняла вторую попытку самоубийства в начале 1935 г., после чего Гитлер максимально приблизил ее к себе, сделав экономкой Берхтесгадена. Он даже запретил Еве быстро ездить на автомобилях и летать на самолетах, дабы не подвергать опасности ее жизнь. Фюрер позаботился о финансовой независимости любовницы. Наряды ей привозили из Пари-

жа, а обувь специально шил в Риме модельер Феррагамо.

Когда началась война, Гитлер настаивал, чтобы Ева оставалась в безопасности в Баварии, где не бомбили. Исследователи не раз отмечали поразительную преданность Браун фюреру.

– Я умру, если с тобой что-нибудь случится, – не раз говорила она.

И доказала это делом, когда, несмотря на многочисленные строгие запреты Гитлера, весной 1945 г. все же прибыла в уже обреченный Берлин.

– Я готова разделить судьбу любимого человека! – заявила Ева.

Дальнейшее хорошо известно. Правда, нужно сказать, что существуют обоснованные версии западных исследователей о том, что Гитлер не мог допустить смерти Евы и вместо нее умерла... женщина-двойник. Смерть самого фюрера тоже не раз ставили под вопрос, и до сего времени события последних дней апреля – начала мая 1945 г. во многом остаются загадкой и неразгаданной тайной...

«Пламенный трибун»

Среди вождей российского коммунистического переворота, совершенного в октябре 1917 г., Лев Давидович Троцкий (его настоящее, но далеко не полное имя – Лейба-Аарон Бронштейн) занимает особое место. Хотя бы потому, что в те непростые годы он являлся вполне реальным и, пожалуй, единственным соперником Ульянова-Ленина в борьбе за верховную власть в новом социалистическом государстве.

Во-вторых, потому, что Троцкий принимал в качестве наркомвоенмора, то есть наркома по военно-морским делам, самое непосредственное участие в создании «несокрушимой и легендарной» Красной Армии. В этой деятельности у него были не только поистине ужасающие поражения и провалы, что ему со временем припомнили, но он достиг определенных серьезных успехов, которые не преминули приписать себе Иосиф Сталин и его ближайшие соратники: Фрунзе, Ворошилов, Буденный и ряд других.

В третьих, после смерти Ленина он стал личным непримиримым и активным врагом «вождя всех трудящихся» Иосифа Сталина в борьбе за абсолютную власть в партии и стране. Как известно, в этой бескомпромиссной борьбе Лейба-Аарон потерпел сокрушительное поражение от хитрого кремлевского горца. Троцкий был выслан из страны, а спустя десяток лет убит в Мексике ударом ледоруба в затылок.

Завербованный НКВД, его убийца Меркадер получил звание Героя Советского Союза – в подобных случаях Сталин не скупился.

Естественно, о Льве Давидовиче Троцком и связанных с ним государственных тайнах Страны Советов никто не стал бы распространяться. Поэтому отыскать сведения о любовницах Льва Давидовича – мы станем называть его этим, более привычным для читателя именем-псевдонимом, скрывающим его истинное происхождение, – оказалось весьма непросто. А между тем, как отмечали многие его современники, Троцкий весьма интересовался прекрасной половиной рода человеческого и очень охотно пускался во всевозможные авантюрные любовные интриги...

Амурные приключения в стране Советов

Необходимо сразу оговориться: еще до октябрьского переворота Троцкий достаточно долгое время провел в эмиграции за границей, где проживал со своей женой Натальей Седовой и сыном, что, впрочем, по воспоминаниям людей, близко знавших его в тот период, нисколько не мешало ему «не пропускать ни одной приличной юбки».

– Неприличными он тоже не брезгует, – якобы однажды презрительно отозвался о Льве Давидовиче эстетствовавший Луначарский, отлично знавший подноготную практически всей дореволюционной эмиграции.

Причем эмиграции не только большевистской, но и других партий. Позднее именно к нему не раз обращались за консультациями сотрудники советской разведки и контрразведки, осуществлявшие по указанию вождя разработку эмигрировавших из страны бывших активных участников «непримиримой борьбы с самодержавием», занявших позицию, диаметрально противоположную политической линии, проводимой большевиками и их лидерами.

О периоде нахождения в эмиграции и разных интимных связях Троцкого во время его проживания хотя бы в Соединенных Штатах Америки – он жил в одном из пригородов Нью-Йорка, откуда и отправился «делать в России револю-

цию», – найти какие-либо достоверные материалы, к сожалению, оказалось делом невозможным. По отрывочным воспоминаниям, Троцкий охотно заводил любовные интрижки, пользовался услугами проституток, но знаменитых любовниц у него тогда не имелось: положение эмигранта не позволяло.

Да и кто такой был Лев Давидович? Витийствовал за кружкой пива среди таких же евреев-эмигрантов и прочей публики, и не более того. Но говорить он умел: зажигательно, страстно, убежденно, на любую тему. А женщины, как известно, любят ушами. Позднее Троцкий в искусстве соблазнения немало пользовался своим умением красиво, много и убежденно говорить.

Возможность удовлетворять свою пламенную страсть к обладанию красивыми женщинами Лев Давидович получил после октябрьского переворота, заняв видное положение в новом советском правительстве. Он перемещался по железным дорогам страны в роскошном, бывшем царском – или кого-то из великих князей? – очень дорогом салон-вагоне, отделанном драгоценными породами дерева, бархатом и венецианскими зеркалами. На столе у наркомвоенмора всегда стояли изысканные вина и деликатесы. И это в голодный период, когда вся страна получала пайки воблой. Но Троцкий угощал понравившихся ему дам тонкими винами из бывших царских погребов и предлагал закусить бананами или ананасом.

Это не могло не производить ошеломляющего впечатления, тем более в нищей и голодной воюющей стране. По воспоминаниям ряда сотрудников, работавших тогда в поезде наркомвоенмора и просто чудом уцелевших при массовых репрессиях тридцатых годов, Лев Давидович любил часто менять «пиш-барышень», с которыми нередко запирался в своем салоне и работал до утра.

– У него состоял целый штат русских женщин, больше похожий на гарем, – говорил один из его бывших сотрудников.

В 1918 г., летом, у Троцкого возник роман со знаменитой Ларисой Рейснер, пописывавшей стихи. Она даже специально приехала к нему на Восточный фронт, под Свяжск.

Любопытно отметить, что в период Первой мировой войны, когда эмигрант Троцкий витийствовал в пивных Америки, роковой женщиной Рейснер увлекался изумительный и талантливейший русский поэт, герой войны, георгиевский кавалер, разведчик Генерального штаба, боевой офицер Николай Степанович Гумилев. Он писал ей прочувствованные письма, надеялся на взаимность – вполне возможно, она и была?

По крайней мере, многие авторы мемуаров, посвященных Гумилеву и его жене Анне Ахматовой (Горенко), выдвигают версию, что именно сильное увлечение Гумилева ветреной Рейснер если не послужило причиной, то, по крайней мере, ускорило разрыв между ним и Ахматовой.

Странные вещи иногда выкидывает история: спустя

несколько лет счастливым соперником Гумилева оказался... Лев Троцкий. А великого русского поэта большевики расстреляли как участника заговора. Впрочем, никого из участников тех давних событий давно не осталось в живых – вскоре смерть настигла и саму Рейснер. Но в любом случае эта женщина была сильным увлечением Троцкого.

После Рейснер у Льва Давидовича довольно часто случались и другие увлечения, однако с не столь знаменитыми дамами, пока в 1920 г. в Советскую Россию из Великобритании специально не прибыла скульптор Клер Шеридан.

– Я хочу вылепить бюсты героев Октября, – заявила она Анатолию Васильевичу Луначарскому.

Тогда многие на Западе просто болезненно увлекались происходящими в России событиями и четко себе не представляли, что на самом деле происходит в огромной, разоренной войной и загадочной стране. Поэтому относились к коммунистическим деятелям разного толка почти как к знаменитым персонажам Великой Французской революции.

Увидев англичанку, Троцкий сразу же загорелся и настоял, чтобы первым она начала лепить его. Он обхаживал ее как мог и, как отмечают очевидцы событий, наконец добился успеха: их отношения вскоре стали интимными, чем Лев Давидович немало гордился.

– Он всегда был фанфароном, – как-то с презрением бросил о нем Сталин, любивший скрывать и свои мысли, и действия. – Петух!

Уничтожающая характеристика. Но не стоит забывать: она прозвучала из уст злейшего врага. Правда, умного, хитрого и могущественного. И недаром на Востоке говорят: бойся, когда враг тебя хвалит. Немало иных людей были просто в восторге от Льва Давидовича. В том числе женщины. Однако в период дальнейшего его пребывания в Советском Союзе и до высылки в Турцию более никаких знаменитых любовных связей не отмечается.

Правда, это совершенно не означает, что Лев Давидович не имел любовниц. Несомненно, среди женщин, с которыми он сожительствовал, были и опытные агенты ВЧК – ОГПУ – НКВД, но известных не нашлось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.